

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ЖЕСТ

Е В Г Е Н И Й
В И Н О К У Р О В

ШЕСТИ

Н О В Ы Е
С Т И Х И

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1969

P2
B49

ОТ АВТОРА

Подготавливая свою новую книгу «Жест» к печати в издательстве «Молодая гвардия», я задумывался: найдет ли в ней что-либо для себя молодой читатель?

Я всегда считал, что самый внимательный читатель серьезной литературы — это читатель молодой. А как же иначе? Кому, как не ему, вступающему в самостоятельную жизнь, хочется разобраться в себе и в окружающем?

Он видит, что жизнь во много раз сложнее, чем она представлялась в детстве. Он чуток к правде, как бы она ни была подчас жестока. Он чуток и к вопросам нравственным, в том числе и к таким вопросам, которые еще окончательно, возможно, и не разрешены.

Я старался во многих стихах своей книги сосредоточить внимание на вопросах, связанных с областью чувств, повести разговор о творческом, действенном начале в людях, не боящихся трудностей. Присутствующий в книге элемент сатиры направлен против теневых сторон быта. Книга ставит себе целью борьбу за активного человека, за резко выраженный характер, за его личность.

В книгу включена «Баллада о холостяке и об отце семейства». В этом иронично-философском стихотворении в форме гротеска поставлены вопросы семьи и морали.

Во многих стихах книги идет разговор об искусстве.

Книга включает в себя и цикл сонетов. В историческом цикле — раздумья над временем и человеческой судьбой.

Я думаю, что молодые люди села, далеких сибирских строек и молодежь больших городов будут соучастниками этого разговора.

Если эта моя новая книга поможет хоть в чем-то молодому читателю, если заставит его задуматься, я буду считать, что она увидела свет не напрасно.

* * *

Есть много рукомёсел:
И надо, чтоб стрелял
Охотник
 и елозил
Рубанком бы столяр,
Чтоб горбились умельцы,
Пыхтя,
 и без перил
Чтоб космонавт, из дверцы
Шагнувши в ночь, парил...
Но как же быть поэту?
Его судьбина зла,
Ведь у поэта нету,
Ей-богу, ремесла.
Будь он юнцом иль старцем,
Умелость что? Вся суть —
Слегка коснуться пальцем
Чужой души
 чуть-чуть...

УПОРСТВО

Все как будто не просто:
Сидишь, что есть силы сопя...

Но, однако, с упорства
Начинается вера в себя.
С ней и в драку и в споры.
Она проступает в речах.
Ищешь точку опоры?
Так вот — Архимедов рычаг!
С нею все-то как надо,
Ты строен, хоть будь ты горбат...
Так идет по канату,
Закрывши глаза, акробат.

«Мы ведь рожь, не плевелы!..»

Так при же смелей напрямик!
Разве можно без веры
На нашей планете хоть миг?

«Я, мол, мелкая сошка...»

Ан нет, ты бросайся в полет!
Так упрямая кошка,
Упавши на лапы, встает.
...Кулаком прямо об стол.
И точка. И сразу на бас...
Ты упорства апостол.
Сказал, значит все! И шабаш!

СВИДЕТЕЛЬ

Меня витийства дар не осенял,
Так чтоб кричали люди из партера.
Кто я? Свидетель. Профессионал.
Я говорю:

Вот так-то было дело.

Я не вздымал ладони, вопия.
И не визжал от счастья по-щелячьи.
Но, тихо встав, свидетельствовал я,
Мол, было так. А не иначе.

ПЛОХОЙ ХАРАКТЕР

Плохой характер у меня.
Характер очень плох,
Вздыхает мрачная родня...
Мне все идет не впрок.
Все дети мчатся в водоем,
Тот в Осоавиахим...
А я в кустах брожу вдвоём
С характером плохим!
Все спать. Погаснет небосклон.
А я сутулюсь, лют.
Плохой характер гонит сон —
Видения встают!

«И вроде бы не инвалид!..»
Пьют с блюдец. Мелют вздор...
Плохой характер не велит
Со всеми сесть за стол.
Им открываются миры!
Им с клюквою пирог!
Как все-таки они милы!
Лишь мой характер плох...
В ботинках хлюпает вода.

За выдумки чуть свет.
С плохим характером беда!
Еще бы! Хуже нет!
Навзрыд в подушку головой,
Но голосок родни
Журчащий: «Ты характер свой,
Мой голубок, вини!»
Рубахою утру соплю...
И вроде бы в ладу,
А то возьму и нагрублю.
И плюну. И уйду.

«А мне не надо ваших крох!..»
Я ухожу в листву...
«Характер плох! Ну что же? Плох!
И ладно! Проживу».

ФАКТУРА

Я вышел. Так подуло,
Что я пошел сильней...
Мне нравится фактура
Деревьев и камней.
Вдруг проступило солнце...
Я мять хоть час готов
Солдатское суконце
Кюветных лопухов.
А мох из подворотен
Пружинит в пятерне...

Мне нравится, что плотен
Наш этот мир вполне,
Что можно из кувшина
Насыпать в горсть песка,
И нравится, что глина
Действительно вязка...

И хорошо,
 что кварца
Так глыба тяжела
И с дерева до пальца
Так тянется смола...

ТРУЖЕНИЦА

Упрямица и умница,
С одышкой дыша,
Невидимая трудится
Внутри меня душа...
Огбойный пласт ворочая,
Потея от потуг.
Душа, она, рабочая,
Не покладает рук.
Другие, правда, плачутся.
Она ж пыхтит весь век.
Крепильщица, откатчица —
Надежный человек.
Казалось, нет забытее!
Представить не могу:
Все факты, все события
Размалывать в муку!
Почти под боком, близко же!
Здесь, рядом, в глубине,
Она взывает: выскажи!
Поведай обо мне!..
Над мировыми безднами,
Угрюмая на вид,
Она, немая, жестами
Сказаться норовит.
Сама себя же мучая,
Всем трудностям назло
Все колесо скрипучее
Вращает тяжело.

* * *

Есть все у тебя,
Но наивности мало,
Чтоб по уши щеки вдруг вспыхнули ало,
Чтоб попросту, вдруг побледневши с лица,
Нелепо схватить за грудки подлеца...

Есть все у тебя.
Но наивности мало.
Жизнь все-таки крепко тебя обломала!..
И глаз не потупишь! Не вспыхнет дебош!..

...Ты смотришь хитро
И затылок скребешь...

* * *

Человек опустился.
Взял и комнату снял.
Навсегда распростился
С тем, чем жил, с тем, что знал...

Занят вечной растравой —
Вся в потеках стена...
Перебитая рамой,
Смотрит прямо луна.

Человек опустился.
Как король бросил трон!
Словно месяц постился, —
Нос его заострен.

С ним еще выпивают.
Он сшибает рубли...

Высоко проплывают
Там, над ним, корабли.

НАСТРОЕНИЕ

Пусть беспрестанны наставления,
Советы, как себя вести,
Но яростные настроения
Способны все снести с пути.

Пусть близко мне до постарения,
И пусть все валится из рук,
Но яростные настроения
Преображают все вокруг.

То сетования, то томления,
То радостная полоса...
Смотри, смотри-ка: настроения
Меня несут как паруса!

Ведь мира нет и под оливами...
И настроенья быть должны
По сути самой прихотливыми:
То вдруг белы, то вдруг черны.

То вьются облачными кудрями...
Их принцип неопределим,

Так своенравны, так причудливы.
Неуправляемы, как дым!

Вот так выходят в наступление:
Земля под поступью трещит:
Воинственное настроение
Я впереди несу как щит!

Тоски случайной обострение.
Сбить может с ног любой пустяк!
Я подымаю настроение
Высоко над собой как стяг.

Лишь чуть — и смог я стать бы гением!
Лишь чуть — и смерть мне нипочем!..
Встаю — и вечность настроением
Я протыкаю как мечом.

РАБЛЕ

Что там, скажи-ка, брат, за танец?
А это что там за урод?
То брагу пьет раблезианец,
Его раскрыт, как бочка, рот.
Тут куропаток рвут руками.
Жуют — гусятина вязка.
Под стонущими едоками
Дугою выгнулась доска.
Колбас лиловые аршины,
И пива медная река
Медлительно течет в кувшины
И брызжет на окорока.
На брюхах расстегнув камзолы
И веками прикрыв белки,
Лежат вселенские обжоры
Рядком, как будто бурдюки...
Рабле, бродяга и умелец,
Хоть сам ты, как святоша, тощ,
Твой юмор огненный как перец,
Которым приправляют борщ.
Ты там, где пели и плясали,
Чтоб трезвым риторам под стать
Вот этими ж губами в сале
О небесах пролепетать.

* * *

Я быть хочу самим собой.
Иль, может, не имею права!..

В себя б спуститься, как в забой,
Туда, где уголь, туда, где лава...

Хочу я быть собой самим,
Тем неумным, необорным,
Чтоб, захрипев, неумолим,
Ворочать молотком отбойным.

Быть там, где между «да» и «нет»
Мы выбираем. А не крутим!..

А после выйти вдруг на свет,
Глаза вовсю слепящий, — к людям.

АЗЫ

Вот книги высятся стопою.
Вот ширь газетной полосы...
Но вот нежданно пред тобою
Вдруг открываются азы!

...Гигант из камня и металла —
Библиотека. В ней слова!

«— Да это ж, мол, элементарно!
Да это ж просто: дважды два!»

Что в том: морщинист лоб у деда
И сивые висят усы,
И все-то он прочел?.. Вот это
Победа! Откопать — азы.

МОИ УЧИТЕЛЯ

Мне нравятся мои учителя...
Подперши стойку в заливчатском стиле,
Пивною пеной жажду утоля,
Они мне о бессмертье говорили.

Мне нравятся мои учителя,
Что рылись в исторических анналах,
Под голову засунув кителя
И ноги вольно вытянув на нарах.

Как ангелов с венцом вокруг головы,
Я вас, учителя,
 не нарисую!..
Хоть то меня натаскивали вы
На вечность, словно на волка борзую.

ПОДРОБНОСТЬ

Подробности.

Но где же, право, суть?

Идем и смотрим. Вот и кончен путь.

А вот подробность. Мелкая, как клоп.

К чему она? Тут нужен микроскоп!

А вспомним вдруг все прожитые дни.

И ничего:

подробности одни.

ПРИМИТИВ

Угрюмы и неприхотливы,
Но впечатляющи вполне
Стремительные примитивы
В углах, на стендах, на стене.

Как будто выдалась оплошка!
К вошедшему поворотив,
Лицо напрасное,
 как плошка,
Стоит огромный примитив...

А это что такое рядом?
Не разбери-пойми! А вот
Уродцы вылезли парадом,
Как дыньки выкатив живот.

Они просты и неучтивы,
Но с варвара какой же спрос?
Стоят, как в бане,
 примитивы,
Калеки и уродцы сплошь.
Быть может, кисть взяла горилла?
Ирония?
 Иль просто миф?..

Свои смеющиеся рыла
Выносит миру примитив.

Пусть божий мир, как песня, дивен
И гармоничен весь вполне,
Но все ж он где-то примитивен,
В самой основе,
 в глубине.

Твои запутанные тропы...
Стуча,
 не заглушат сердца
Уныло воющей утробы
И крика хриплого самца.
Он поднимается, ломая
Все то, что было — красота,
И в мире, как кишка прямая,
Его позиция проста.

Лубок, что продают на святки:
Вот группа глупеньких зайчат...

От этой примитивной хватки
Лишь кости бедные трещат!
Как бревна в пору лесосплава,
Его поток неотклоним.
За примитивом все же право,
И сила все-таки за ним!..

А вот как будто Рамайяна:
Изображен роскошный сад,
И дева в мантии румяна,
И тигр ужасен и усат.

А вот гуляки за бутылкой.
Их вид — разгульный — нарочит:
Все держат пальцы растопыркой,
И папираса в них торчит.
А вот и он —

со шпилем замок,
Флаг в клеточку. А рядом пруд,
И в пруде том, откинув набок
Головки,
лебеди плывут...

На Марс мы мчимся на ракете.
Чего в XX веке нет?..
Но только варвары и дети
Так, удивясь,
глядят на свет.

Искусство — вот оно, навинос,
Для площадей, для шумных масс...
Великолепная невинность,
Все видеть словно в первый раз.

Ты вне критических придинок.
Нам на зубах навяз мотив...
...Ведь мудрость давит на затылок,
Но бьет по сердцу примитив.

КИСТЬ РУКИ

Подчас разроют вдруг шедевр,
Неведомый донине...
То Пан, что замер, очи вздев,
То полкуска богини.

И только ахнут знатоки.
Какая тьма разверста!
Когда увидят кисть руки.
Откуда? Неизвестно...

...Ты черепок, найдя, омой
И ставь на полку смело.
То слепок вечности самой
Без края, без предела.

ОТЧИЙ ДОМ

И сколько в жизни ни ворочай
Дорожной глины, вопреки
Всему ты в дом вернешься отчий
И в угол встанут сапоги...

И пусть — хоть лет под девяносто —
Старик прошамкает: «Сынок!»
Но ты принес свое сыновство
И положил его у ног.

И радость новая как завязь...
Хоть ты от хижины отвык, —
Ты вырвавшийся от красавиц
И от стаканов круговых.

...Пусть в поле где-то ночь пустая.
Пусть крик и песня вдалеке.
Ты все забудешь,
припадая
К покрытой венами руке.

* * *

Как будто бы нить Ариадны
Веду лабиринтами дней.
Возьмите мои варианты, —
Я в них и точней и умней.
Когда-нибудь снова открою
Набросков запутанных вязь,
Все то, что нетвердой рукою
Набрасывал я, торопясь.
Они и трудны и неясны:
То я ведь сидел дотемна,
Нащупывая нюансы,
Оттенки и полутона!
Я весь не в напоре, а в бегстве.
Я пал, если волю напряг.
Есть что-то такое и в тексте,
Но главный я весь на полях.

* * *

Да, видно, есть потребность в менестреле...

Вот, крошечный, он вышел на панели

Гигантских европейских городов...

Вот он, один, идет упорно к цели,

Чтобы предать проклятью культ постели!

Средь этих толп он виден еле-еле...

И он затрубит скоро — он готов!

ТЕАТР

Угрюмая глубь театрального зала...
Ну что ж! Ты считал, что искусство как сало!
Оно же болезни сродни, не врачу!
Оно выбивает из равновесья...
На место уселся — мгновенье! — и весь я
Куда-то, — куда неизвестно, — лечу...
И вот я спиралью кружим гулевою,
И вот обо что-то я бьюсь головою,
И в небо уносит меня!.. Вдалеке
Вдруг занавес падает. Все честь по чести:
Я снова сижу перед сценой на месте
С программкой измызганною в руке.

НЕВЕДЕНЬЕ

Я ничего еще не знаю...

И, от незнания возомня,
На мир вслепую налезаю,
Мир налезает на меня...

Я обольщен своим незнанием!
Я руководствуюсь еще
Одним лишь только осязанием:
Вот холодно, вот горячо...

Земля нестойка под пятою...

И, чуя правду животом,
Бреду, глубинной слепотою
Не хуже компаса вedom.

ИНДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Индийская философия —
Лес полный зверей и лиан.
Художник сидит, разрисовывая
Мир, как цветной экран.

Индийская философия —
Храм из узорных плит...
Фиолетовая и бирюзовая
Краска везде царит.

Гимны Махабхараты,
Рамайяны, Упанишад...
Да это как будто прохлады
Вылитый в зной ушат!
Индийская философия —
Твои аксиомы просты!
Тысячелетья текут, спрессовывая,
Как ил, за пластами пласты...
Запевки и плачи твои, как вязь,
Надуманно и сложны.
Главы идут покачиваясь,
Словно идут слоны.

Стоит индианка несмелая,
Точка на лбу как туз.
В свое воскресенье веруя,
Веки смежил индус.

Нечего делать историкам
В этом краю чужом...
Кем же он станет? Кроликом?
Кем же он был? Ежом?

Белые облачения,
Спадающие до пят!
Вечного круговращения
Льющийся водопад.

Чаша тюльпана розова...
Это ль не смысл для ноздрей?
Ведь аромат для философа
Может быть книг поважней!
Но вот, скорлупу разруша,
С воплем: «А я ведь все!» —
Вышел цыпленок Пуруша,
Мыслью разбив яйцо.

Индийская философия —
Река, что полна стремнин...
...Словно курильщик опия,
Дремлет с цветком брамин.

АБСУРД

В магазине посудном,
К завитку завиток,
В модном стиле абсурдном
Намалеван цветок...

Вы уж не обессудьте:
Выкрутасы вия,
Я считаю: в абсурде
Есть идея своя!

Выплыл бред, словно судно,
Полыхнул, как пожар.
«Верю, ибо абсурдно», —
Некто древний сказал.

О восторг, коль из глуби
Бородатого рта,
Не затронувши губы,
Хлынет белиберда.

Проберет до печенок,
Хоть темно чересчур,
Если крикнет Крученных:
«Дыл, бул, щур, убещур».

Может, то паранойя
Или пьяны все в лоск?
Это Кафка и Гойя,
Ионеско и Босх.

Дездемона с арапом...
Вот он, черт побери,
Мир с горящим жирафом
Сальвадора Дали.

Взял алхимик реторту...
Тупо молится курд
Не кому-то, а черту!..
Это ли не абсурд.
По взметенному праху
Слышен топот бахил —
Все никак черепаху
Не догонит Ахилл.

Вьется с пчелами трутень...
Ведь и прямо с крыльца
Вот он мир, что абсурден
От конца до конца.
Желчью полнится печень:
Ну, возьми хоть: верблюды...
«Мир-то, братцы, конечен!» —
«Ну уж это абсурд!»

Нос расплющен, как в боксе,
Голова на спине:
В вечность на парадоксе
Скачут, как на коне.
Только б как ни скакала
Их ватага, но стоп:

Впереди иль Сахара,
Иль болотная топь.
Свесил голову к груди:
«Вот те раз, угодил!»
И стоит на распутье,
Что там твой богатырь...

В том абсурде, как в вальсе,
Можно долго кружить.
Покружился, а дальше
Надо ж как-то и жить...
Ну нельзя же вертеться
Век в бесовском кругу?
Надо ж и оглядеться
И присесть к очагу.

Разверзается бездна,
Лишь на сей станешь путь...
Лишь бы было не пресно,
А уж там как-нибудь.

Как же быть с общим местом?
Его выверни так,
Как решительным жестом —
Наизнанку пиджак.
А по цели, как в тире,
Бей с усмешкою злой:
«Дважды два есть четыре». —
«Аксиома?» — «Долой!...»

Доведет до инсульта
Этот толк, этот суд,
Эта жажда абсурда
Или этот абсурд.

БЕЗВКУСИЦА

Пускай гремит безвкусица:
Певица и оркестр.
Пластиночка покружится
И быстро надоеет.
Мир стонет от безвкусицы,
Мир без нее не тот.
Как будто суп без курицы
Иль без цуката торт;

И все искусство тонкое,
Что строго и умно,
Магнитофонной пленкою
Навек заглушено...

Я не гонюсь за темами,
Но я твержу одно...
Я брежу хризантемами,
Что отцвели давно.

Она звенит над улицей...
И вот, стесняясь слез,
Я плачу над безвкусицей,
Что мне экран поднес.
Куда от песен денешься?
И я вошел в игру...

Душа
как красна-девица —
Поддай ей мишуру!

ВОСЕМЬ СОНЕТОВ

1

Пределен мир, но мне-то нет предела,
И потому я и пишу сонет,
Что вечности на этом свете нет.
Мне до нее нет никакого дела!

Но фраза вдруг вчера меня задела,
Что мир есть только скопище планет,
Бегущих вдаль... И встал я обалдело
И ничего не смог сказать в ответ.

Так что же: я младенец, что у края
Над вечностью сейчас сидит играя?..
Соль вешних слез и сладость бытия!
Нет, истину я вновь свою открою:
Мир то, что я пощупать смог рукою...

Пределен мир, но беспределен я.

2

Я обожаю старые гравюры.
Особенно такие хороши,
Где прыгают мордатые амурь
Вокруг Психеи, то есть вокруг души.

Тут женщин полноватые фигуры;
В гирляндах лук подняли гольши...
Но это все ведь от литературы,
От полуправды и от полулжи.
Рассматриваю древние альбомы:
Сагиры, ведьмы, бесы, фавны, гномы.
Вот Вакх стоит, с вином фиал держа...
Как вымыслов на свете много разных!
Но истина в одном, что вся в соблазнах
Моя Психея, ласточка, душа.

3

Когда обрыдло все, на валидоле
Нельзя ведь жить, потея от обид...
Когда-нибудь ты стукнешься о быт,
Как о комод в нелепом коридоре.

Есть многое в людской беспутной доле...
Вон пред тобою мир вдали рябит:
Игарка, Барнаул и Бармабыт,
Все то, о чем и знать не знал дотоле.

И как сквозь сито, мелочь всю просей:
Долги, обиды, крошечных друзей.
И мысль сверкнет опасная, как бритва:
Навеки прочь отсюда, из угла!
И даже писем не писать со зла,
Когда вокруг вдруг все тебе обрыдло.

4

Нет, ничего откладывать нельзя:
Ни праздник, ни воскресную прогулку.

Быть может, завтра, тонко морося,
Дождь скучно застучит по переулку.
Сейчас пускай здесь будет радость вся!..
И вот поэт идет в свою конурку
С пакетами. И с ним его друзья.
Бутылку ставит. Нарезает булку.
Девиз поэта — это нетерпенье.
Подай стаканы, разговор и пенье!..
Стихи читает и набил живот.
А завтра? Что же? То стезя иная...
Пусть все сейчас! И он живет, не зная,
Что завтра будет. Он сейчас живет.

5

«Еще не поздно!..»

И я еще задумаюсь не раз,
Смотря во двор, там, где на желье сарая,
На стены, на ноябрьскую грязь
Листва с деревьев сыплется сырая.

И я еще познаю без прикрас
Ту истину, что я стою у края,
Что я уж стар, что я уже погас,
Неспешно и упорно умирая.

Я б засыпал, пришедший к рубежу.
И деснами мне б в пору шамкать постно...

И все ж в стакан я влаги нацежу,
И я сверкну глазами и скажу:
«Еще не поздно! Нет! Еще не поздно!..»

6

Мороз на Урале

Был в детстве день. Дымящийся мороз,
Оранжевое солнце из-за леса,
Да иней металлических полос
На розвальнях, лежавших у навеса...

А я не знал, что это все всерьез!
И полоз я лизнул для интереса,
Так, как-то просто. И язык прирос
Вдруг намертво к поверхности железа.

Его я с болью, с мясом отодрал...

Мне часто вспоминается Урал.
Себя я помню плачущим, чумазым...
С тех пор я прожил жизнь уже почти.

Ты сердцем только, друг, не прирасти.
Ведь отдирать-то будешь с болью, с мясом.

7

Очаг

«Упорный жар простого очага»,—
Сказал, и в ту же самую минуту
Насмешливое слышится: «Ага.
Что, потянуло все-таки к уюту!»

Мне беспредельность мира дорога.
Пылай, метель! Пусть дует отовсюду!

Но мне мила и эта кочерга,
Что угольков помешивает груду.

Я, как свеча, в открытом поле чах
При стуже небывалого каленья.
Так пусть стреляют высоко поленья!..

Творит священнодействие очаг.
И Диккенса раскрытый настезь том,
Как библия, свидетельствует в том.

8

Эндшпиль

Я презирал спокойствие и быт,
Я тер руками в чистом поле уши.
И до сих пор меня еще знобит,
Как только вспомню о прошедшей стуже.

Романтика всегда находит сбыт!
Ремень походный подтяни потуже.
Под стон снастей, под точный стук копыт
Я пролетал на море и на суше.

Но быт, он есть. Его убрать нельзя.
И жизнь твоя, летевшая дотоле,
Застопорит, по клеточкам ползя,
Как в той игре, когда уж нет ферзя,
А пешка лишь последняя на поле.

ЖЕСТ

Идет в сберкассу иль садится есть
Поэт, в сонете о себе поведав...

И все же что-то варварское есть
В таких лохматых обликах поэтов!

И то, как говорит, и то, как ест,
В нем только человека выявляет...
И все-таки великолепен жест,
С каким подчас он кепку поправляет!

Тот иль не тот? И сразу вскрикнешь:
«Тот!»
Когда он, вдруг нагледя понемногу,
С размаху навзничь в кресло упадет
И на ногу когда закинет ногу...

* * *

Уж коль романтик, он всегда романтик...
Дожив до синеватой седины,
Лишь только чуть сползет с тахты ревматик,
Кряхтя,

и снимет саблю со стены.
Ему подай дела большого плана!
В краю торосов и ночных охот
Он, свесившись за борт аэроплана,
Ладошкою зимовщикам махнет.
За горсть золы пустой и струйку дыма
Он все отдаст, собравшись на ночлег...

...Романтика ничем не объяснима.
Как мир. Как жизнь. Как смерть. Как человек.

КАМА. 1941

Буксирный катер «Пролетарка»
Будил просторы поутру...
Читаю медленно Плутарха
И за борт на тайгу смотрю...

На палубе лежат вповалку,
Русь как бы двинулась в поход!
Картуз склонился к полушалку
И под гармонику поет.
И раненый из медсанбата
Глядит светло и глубоко...
Рогожи подстелив, ребята
Бесстрастно режутся в «очко».
И, чувствуя себя среди тощих
Людей, как не в своем мирке,
Сидит с портфелем заготовщик
В брезентовом дождевике...

И в знак, что ведь еще немало
Хлебнуть всем будет суждено,
У раненого проступало
Сквозь бинт кровавое пятно.

НЕ ОТКРЫВАЮТ ВТОРОГО ФРОНТА

Мы сели с этой, а с другой руки
Сюда, вот этак, сели иностранцы...
Как выглажены их воротники,
Как равномерны крепкие румянцы.
И разговор: «Да, вы спасли Москву!
Вы держитесь неплохо...» И так дале...

Они не были в Гомеле во рву!
Они блокадных кошек не едали!

«Вы мужественны!» — «Да, я рад, я рад!
Мы с вами, знаете: вы не одиноки...»
И к «виллису» идут. Благодарят.
Очкасты. Длинношеи. Длинноноги.
Один все машет!.. Мы, откозыряв,
Молчим, бездонных бедствий очевидцы...

...Вот так махал, наверное, Исав,
Большой знаток библейской чечевицы.

1943

* * *

Когда-то в юности надменной
Пытался я, решив рискнуть,
Враз надо всею над вселенной
Объятя слабые сомкнуть.
И надорвался я, чудила,
От сверхъестественных потуг:
Маня, как призрак, уходила
Моя вселенная из рук.
И загрустил я, оробело
И вяло голову клоня...
...А жизнь сверкала и звенела
И танцевала вокруг меня.

ФОРМУЛА

Я видел,
как машина сшибла на улице
школьника,
шедшего с экзаменов...
Он лежал на мостовой.
На заголившейся руке, высоко,
около локтя,
была написана чернильным карандашом
формула...
Я когда-то начинал стихи с «О!»,
Я не знал ничего.
Я был самонадеян.
Я искал невероятных трагедий,
неслыханных ситуаций,
исключительных сюжетов,
я смотрел ввысь, куда-то
поверх голов, домов, облаков...
...А жизнь бывает
проста и страшна,
как эта формула...

* * *

Вот я на карточке старой
Стою, подбоченившись, в раме...
Безусый, семнадцатилетний,
Крест-накрест обвитый ремнями.
Стою, опираясь на саблю.
Уж больно я грозен, ей-богу!
Я на ухо сдвинул фуражку
И выставил правую ногу.
Сейчас я признаюсь открыто,
Что с помощью лести и спора
На час ту нелепую саблю
Выпросил я у каптера.
Фуражка тоже чужая;
Одолжена политкомом...
Я снимки заклеил в конверты
И разослал по знакомым.
Знакомые долго смеялись
В глубинах далекого тыла...
И только одна лишь девчонка
На снимок слезу уронила.

* * *

Платья пошила —

ах, больно уж марки! —

Весна-мамаша черемухам-дочерям...

Это было в высоком провинциальном парке,

Где играет оркестр по вечерам.

Там лохматые сосны с липами спелись,

И у кленов размашистых много причуд.

Там кружат офицеры —

какая прелесть! —

С девушками, склонившимися к плечу.

И там, в глубине, у самого края,

Где забор накренился, парк окайма,

Была у меня одна —

эх, дорогая! —

Со вздохом мной вспоминаемая скамья.

Там перекрашивались синею мастью

Косы в русалочки наяву.

Там было немного — помню! — настоящего счастья

И немного вальса, проникшего сквозь листву.

Сейчас там осень. Валежник. Галки.

Не вчера это было и не позавчера!..

...Это было в высоком провинциальном парке,

Где играет оркестр по вечерам.

ФАНТАСМАГОРНЯ ОДЕЖДЫ

1

Кто не был мудрым прежде,
Тот сразу все поймет,
Ведь мира смысл в одежде, —
Идем на праздник мод!
Скорей сюда!

Потешьте
Себя, детей, жену!..
На фестиваль к одежде
Я тоже загляну.

Одежды разных наций.
Любой фасон и сорт.
От тонких комбинаций
До перетертых шорт.

Какой косматый свитер!
Размером для горилл.
Надел.

Пошел.

Увидел.

И ясно — победил.

Что за ботфорты эти?
Тут нужен исполин!..
Глядят в испуге дети
На бабкин кринолин.

А вот уже и «мини»,
Они едва-едва...
Шлафрок,
 чтобы в камине
Помешивать дрова.

На самом крае света
Продумано умно
Размашистое это
Смешное кимоно.

А вот цветные юбки!
Идет,
 все трын-трава!
Показывают зубки
С-под низа кружева...

Различная одежда!
Судьба сюда свела
Гостей из Будапешта,
Калькутты и Орла.

2

На тысячу вопросов
Ответ получишь здесь...

Эй, Диоген-философ,
На свет из бочки лезь!
Надень штаны на чресла,
Чтоб плоть твоя,
 тоща,
Нахально так не лезла
Из черных дыр плаща...
Начисть штиблеты ваксой
До блеска.

 А теперь
На череп свой шишкастый
Вот тот цилиндр примерь.
Но галстук надо туже
Затягивать. Смотри,
Философ,
 что снаружи
Не то же ль, что внутри?
Не презирай одежды,
Она тебе не враг...
Эй ты, философ!
 Где ж ты?
Вот он, отличный фрак...

3

На мир лишь только глянем!..
Как нас он удивил:
Он с переодеваньем
Какой-то водевиль.

А ведь король-то голый!
О смена королей!

Из всех фантазмагорий
Мир этот всех пестрей.

Ведь людям мало кожи,
Ведь кожа так нежна!
Одежда людям тоже
Не менее нужна.

Нельзя же без трусов ведь —
На этом мир стоит.
Она нужна,
 как совесть,
Как скромность и как стыд.

Одежда —
 наша слабость.
А смысл-то в ней велик!
Ведь только Homo Sapiens
Мы без штанов своих.

Попробуй, право, в бане
Определи на вид,
Кто за водою в кране
Там нагишом стоит.

Ведь в голом мало толка.
На мой, конечно, взгляд:
Раздетый —
 это только
Так, полуфабрикат.

Да, таковы законы, —
Мы все играем роль:

Король,
 что без короны,
Какой же он король?

Вот старец с баннным тазом,
Покатость узких плеч —
А что его бы разом
Да в горностаю облечь?

А этот горемыка
Уже усох почти, —
Его бы на полмига
Да в мантию судьи!

4

Мундира только ради,
Хоть шею и натер,
Форсисто на параде
Блестает гренадер.

Но если ты опален,
Одет ты абы как...

В селе гуляет парень,
Рубаха в петухах!

Что он без кофты желтой?
Хоть пусть он и басист,
С надувшейся аортой
Задорный футурист...

Средь грязи, как собаке,
Смерть принять
 не с руки, —
И чистые рубахи
Готовят старики.

Нужна для танцев обувь.
Пойти вприсядку вдруг.
Встать,
 избоchась,
 угробив
На сапоге каблук.

Не зря в мазурках пылких
Стучат в натертый пол
И туфельки на шпильках,
И плотный микропор.

Горят, горят румянцы,
Стоит повсюду гром...
Но а какие ж танцы,
Когда ты босиком?

И в предвкушенье схватки,
Решая бранный спор,
Ведь ты же не на пятки
Наденешь пару шпор?

5

Задумаюсь, и сразу
Мне вдруг придет на ум

Китай,
что по приказу
Одет в один костюм.

К тому распоряженье
Высокое дано,
Чтоб было выраженье
Лица у всех одно.

Ну что,
не ясно разве
Тебе, что в мире сем
Уж раз однообразье,
То уж оно во всем?

6

Нет, не был я любитель
Фасонить —

не пижон!
Носил линялый китель,
Помятый, без погон.

Но сдержанного тона
Отрезик все ж припас!
И тройку из бостона
Пошил я как-то раз.

Я рад был по-щелячи.
И с этого-то дня
Вдруг девушки иначе
Взглянули на меня...

С наивностью упрямой
Я думал, боль глуша:

«Но я ведь тот же самый! —
Позвольте!

А душа?»

Не всеми воспринялась

Та мысль,

что дело в том:

Костюм — это реальность,

А что душа?

Фантом!

Восторгов тех телячьих

Бьет гейзер через край.

Пощупать матерьяльчик,

Лишь только в руки дай!

Одежда вся наружу.

А что под нею?

Мрак?

О если бы за душу

Ценить умели так!

На зуб,

на вкус,

на ноготь,

Да поглядеть на свет...

Чего нельзя потрогать,

Того как бы и нет!

И в этом положении

Себя той мыслью тешь,

Что этот мир смешенье —

Одежд, одежд, одежд...

Придумали житуху —
Гуляют без трусов!
На что подняли руку?!
Как звери средь лесов!

Бредет толпа нагая,
Зачем бредет?
 Бог весть...
У голого какая
Там совесть или честь?!

8

Так что ж нам в той одежде?
Подумаешь,
 тряпье!
Но ведь нельзя, хоть режьте,
На свете без нее.

И вне утилитарных
Соображений
 стыд
Немало смыслов тайных
Внутри себя хранит.

Быть связанным, замечу,
Ему века, —
 ей-ей!
С познанием и смертью,
С трагедией людей.

Средь рая встало Древо
Познания, и там

Нагая бродит Ева
И с ней нагой Адам.

Но вот настали сроки:
Вкус яблока во рту,
И люди словно боги! —
Прочь сразу ж наготу.

И не было бы боли,
Когда б не их вина,
Ведь со свободой воли
И смерть сопряжена.

То ль рады, то ль не рады,
Побрел Адам с женой...

9

Так где ж они, наряды?
Тут и пришел портной...

Тут начались сраженья!
Согнулся имярек —
Дрожит от напряженья
Портновский интеллект!

Вот тот фасон затаскан!
Тот шов немного кос.
Тут вырастает лацкан
В трагический вопрос!

Фестоны?
Неуклюжи!

Кружится голова:
Дать на подоле рюши?
Надставить рукава?

Не жмет?
 Ногой подрыгай!
Не давит воротник?
...Бледнеет все пред дикой
Фантазией портных!

Да им бояться бед ли?
Видали,
 как, поя,
Обметывает петли
Веселая швея.

(С интимностью бретелек
Недаром связан пол,
Ведь эрос белошвеек
В историю вошел!)

Чтоб фалды не отвисли.
Не морщилась пола.
Портновской дерзкой мысли
Безмерная хвала!

И вдруг нашел,
 потя, —
Ладони у висков...
Безумная идея
Двубортных пиджаков!

Что?

Не теснит движенья?

Нет, но покрой не нов!..

...Есть новые течения

Из области штанов.

То широки,

то узки...

Подчас бросает в дрожь:

То кофточки, то блузки,

То дудочки, то клеш.

Так до скончанья света,

Как белка в колесе:

— Уже не носят это!

— Такое носят все!

Тебя резнет,

как бритвой...

Гляди,

испустишь дух

Меж Сциллой и Харибдой,

Меж этих воплей двух.

В толпе мы не погрязли.

Иди своей тропой!

Страшнее нет боязни

Быть смешанным с толпой.

Нет,

дескать,

я имею

Свой угол, свой отсек...

Но ведь еще страшнее,

Коль вдруг отстал от всех!

И вот, чтоб удивились

Все,
 обомлев,
 вокруг,
Безумно смелый вырез
Портной предъявит вдруг.
А то вдруг,
 ликом светел,
Сойдет он к нам,
 сынам,
И дерзко вместо петель
Крючки предложит нам.

Так надо, чтоб имелось
В характере его
И полководца смелость,
Размах и озорство.
Трудись,
 пока не спятил
С портняжеских затей!..
Портной,
 он как ваятель,—
Он создает людей.

Уставший от поклонов,
И сам сморчок на вид,
Он лепит Аполлонов,
Ваяет Афродит.
И меж его ладоней
Мы все
 как пластилин.
Вот он, творец гармоний,
Пропорций властелин!
О, сколько тут усилий!

Никто не скажет:
Стоп!

Мир — перемена стилей,
Одежд калейдоскоп.
У каждого свой почерк...
Взгляни хотя б мельком,
Как по ночам закройщик
Работает мелком.
С величием героя
Обдумывает он
Стратегию покроя,
Подкладку и фасон.
И снова все и снова
Его ведет рука.
Кармана накладного
Проблема глубока!
Подобием зарницы
Сверкнет в мозгу:
Ага!

Гипотеза петлицы,
Идея обшлага.
И враз ты покрасивел,
Стал личностью вполне...
Одежда только символ
Того,
что в глубине.

...Идея однодумов,
Что трудятся в тиши!..

История костюмов —
История души.

БАЛЛАДА О ХОЛОСТЯКЕ И ОБ ОТЦЕ СЕМЕЙСТВА

Ему на свете тяжело,
Но интересно.
Он в быт уходит всем назло,
Отец семейства.

А тот гарцует так и сяк,
Как это мило!
Ну да, еще б, он холостяк,
Он центр мира.

Потомство — вот на свете цель,
Он сам лишь средство,
Несет с картофелем портфель
Отец семейства.

Он весь в интригах, весь в страстях,
Сидит с гитарой
В халате пестром холостяк,
Дымя сигарой.

Идет в сберкассу, тих и прост,
Иль в министерство, —

Он с неба не хватает звезд,
Отец семейства.

Зато у всех он на устах,
И век из века
Ведь он срывает, холостяк,
Цветы успеха.

Его же жребий не велик,
Судьба безвестна,
Ведь он весь век живет в других,
Отец семейства.

А тот в брелоках и в перстнях,
Да что ж такого,
Ведь он же хлюст, он холостяк,
Брат Хлестакова.

Неряшлив, с круглым животом.
Сама одежда
Уже свидетельствует в том:
Отец семейства!

Он строгий примеряет фрак,
Розетка в лацкан.
Он женским взором, холостяк,
Всю жизнь обласкан.

Идет из ванной в простынях,
Омывши чресла, —
Он, как библейский патриарх,
Отец семейства.

Мчит на рекордных скоростях
На мотопеде,
На самолете холостяк
Вперед, к победе.

О, где вы, юности деньки?
Быт словно тесто —
Увяз, не вытянет ноги
Отец семейства.

С девицей ходит в березняк
Гулять проказник...
А что ему? Он холостяк!
Не жизнь, а праздник.

Но, строя дом, в плену вещей,
Стекла, асбеста,
Олифы, жести, кирпичей
Отец семейства.

Он сведущ в разных областях,
Он всюду дока.
Он все умеет, холостяк,
Да мало прока!

В нем без особенных прикрас
Душа умельца,
Он гвоздь забьет, починит таз,
Отец семейства.

А этот в мире как в гостях,
С веселой злостью

Посвистывает холостяк,
Вихляя тростью.

Он с кладью вверх ползет, упрямя,
Почти отвесно,
Он строит жизнь свою, как храм,
Отец семейства.

Он на постель упал врасяг,
Ходьбой умаян.
А что ему? Он холостяк!
Себе хозяин.

О груз семьи — о ноша нош! —
Придя из треста,
Сверяет счет — очки на нос! —
Отец семейства.

Танцует томно через такт,
Надев перчатки,
С пролысиною холостяк
На танцплощадке.

Семья пьет чай, струится пот,
А он заместо
Конфет да меда с солью пьет,
Отец семейства.

Средь шулеров и средь деляг
Он карты мечет,
Проигрывает холостяк
Мильон за вечер.

А он считает пятаки
Вплоть до ареста
И вплоть до гробовой доски,
Отец семейства.

Он словно бы засохший знак.
Один. Где дети?
Кому он нужен, холостяк?
Как перст на свете.

Ему же только труд да труд.
Все ж есть надежда,
Вот, дескать, дети подрастут!..
Отец семейства.

Сын поступил уже в ВИАК.
В конце семестра
Уснуть не может он никак,
Отец семейства.

Ему ж хоть виски, хоть коньяк...
Лед в рюмке тает.
Вертясь за стойкой, холостяк
Коктейль глотает.

Дочь выбрала себе судьбу!
Где? Неизвестно!..
Лежит, держа компресс на лбу,
Отец семейства.

Он в мире свой на всех путях,
Но до рассвета

Все что-то чертит холостяк
С лицом аскета.

И этот сел, лицо клоня,
Но вместо текста
Пред ним плывут заботы дня —
Отец семейства!

А он летит, как порожняк,
Стуча на стыках.
Он весь зарылся, холостяк,
В бескрайних книгах.

Он отработал баритон
И властность жеста,
На нем ответственность, ведь он —
Отец семейства!

Вот женщины на всех холстах.
По алой коже
Малюет синим холостяк
Одно и то же.

Картинки женщин всех мастей
Есть повсеместно,
Но он их прячет от детей,
Отец семейства.

За аппаратом на локтях
Приник, ощерясь, —
Кино снимает, холостяк,
И все про эрос.

Ему ж одна лишь дорога
Богиня Веста —
Хранительница очага,
Отец семейства!

Роман забавный в трех частях!
Трясаясь всем телом,
Вот он хохочет, холостяк,
Над адюльтером.

Что? Честь жены? Пощады нет!
И прямо с места
Дуэльный поднял пистолет
Отец семейства.

Во всех галантных повестях,
Что мы запоем
Читали в детстве, — холостяк
Всегда героем.

Прав обольститель — он влюблен! —
Права невеста.
И лишь навеки посрамлен
Отец семейства.

Воспитан только на сладостях.
Почел за благо
Свою свободу холостяк —
Он против брака.

Но, как наседка средь цыплят
Глядит с насеста.

Весь день кудахчет, рад не рад,
Отец семейства.

Он смело в бой выносит стяг.
А враг-то с тыла!
Он взял свободу, холостяк,
Она ж постыла.

Над этим вечный произвол,
И вдруг ни с места,
Но снова тянет, словно вол,
Отец семейства.

Он, словно птичка, весь в сетях
Меж дел плачевных,
Он запутался, холостяк,
Ведь он кочевник.

Нет, тут не надо топором,
Нужна стамеска.
Нет, он не прется напролом,
Отец семейства.

И как столяр за свой верстак,
Скорняк за дратву,
Вот так с утра уж холостяк
Встает за правду.

Стоит всегда он за закон,
Всегда про зверства
Читает с содроганьем он,
Отец семейства.

Весь мир отдаст он за пятак,
Пират и воин,
Все трын-трава, он холостяк,
Он так устроен.

Мир в кораблях и в поездах...
В порядке трёпа
Мир нагло проклял холостяк
И ждет потопа.

Он не поступит на авось.
Враг лицедейства,
Он понимает все насквозь,
Отец семейства.

Но если выборы в ландтаг,
Он страшен, ибо
Кричит всех громче холостяк,
Орет до хрипа.

Куда уж там ему в полет!
Ему б усесться.
Юриспруденции оплот,
Отец семейства.

Ему ли быть во всех властях...
Он враг как будто
Традиций разных, холостяк,
Сторонник бунта.

Он не богема, не пиит,
А всем известно,

Он за традицию стоит,
Отец семейства.

Мыслитель, влез он на чердак, —
Не обыватель:
Ведь сам Христос был холостяк,
Не забывайте.

Хоть доля у него тяжка,
Но скажем честно:
Кто воспитал холостяка?
Отец семейства!

Он весь в поверхностных пластах,
Он словно стебель,
Чуть потяни, и холостяк
Что был, что не был.

Но он величествен на вид,
Он полн степенства.
Он в мир ввинтился, словно винт,
Отец семейства.

Здоровье — это не пустяк.
Есть крепость в теле —
Упорно вертит холостяк
Свои гантели.

Но просит, кашляя слегка,
Усевшись в кресла,
Дымящегося молока
Отец семейства.

И все же ломота в костях,
Что день, то хуже,
Он холод чует, холостяк,
Всемирной стужи.

Внук с оста пишет, тут же весть
От внучки с веста,—
Он с будущим душою весь,
Отец семейства.

Он крепко жизнь зажал в горстях,
Вовсю, до хруста,
Разжал ладони холостяк,
Ан там и пусто!

Инфаркт. Плывут в глазах круги.
Во тьме подъезда
Арбуз роняет и кульки
Отец семейства.

На мир обидясь: «Ах, раз так!» —
Петля. И точка!
Заплачет кто? Он холостяк.
Он одиночка.

Ему ж копь в гроб придется лечь —
Земля разверста:
Слеза детей, профкома речь,
Отец семейства.

Он свой на всех крутых путях
И на отлогах.

Живет рассудком холостяк,
Он только логик.

Но поднял с логикой войну
И в знак протеста,
Как знамя, поднял простыню
Отец семейства.

Хоть в общих, может быть, чертах...
Не вскрикнешь: «Амен!»
Он, как Сизиф, наш холостяк,
Катает камень.

Он перепутал сто дорог,
И цель, и средства,
Ведь он безумен, как пророк,
Отец семейства.

Он представитель всех бродяг.
Он как Онегин,
Ведь длинноног он, холостяк,
Однолинеен.

Он многозначен, как клавир,
Как медь оркестра,
Полифоничен, словно мир,
Отец семейства.

Он хлестко судит так и сяк,
Не терпит правил,
Он враг вселенной, холостяк,
Он сущий дьявол.

Свет истины почил на нем,
Он к нам вместо

Мессии выслан бытием,
Отец семейства.

Все семьянины на постах,
Не спят пикеты.
Свой взгляд имеет холостяк
На смысл планеты.

Он муж, отец и дед. Он строг!
Он смог рассесться:
Один в трех лицах — словно бог,
Отец семейства.

То он горел на всех кострах,
Он горе мыкал.
Кричит истошно холостяк:
— Все в мире нигиль!

Не жизнь, а мытарство одно.
Но ты не смейся:
С историей он заодно,
Отец семейства.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
«Есть много ремесел...»	5
Упорство	6
Свидетель	7
Плохой характер	8
Фактура	10
Труженица	12
«Есть все у тебя...»	13
«Человек опустился...»	14
Настроение	15
Рабле	17
«Я быть хочу самим собой...»	18
Азы	19
Мои учителя	20
Подробность	21
Примитив	22
Кисть руки	25
Отчий дом	26
«Как будто бы нить Ариадны...»	27
«Да, видно, есть потребность в менестреле...»	28
Театр	29
Неведенье	30
Индийская философия	31
Абсурд	33
Безвкусица	36
Восемь сонетов	
1. «Пределен мир, но мне-то нет предела...»	37
2. «Я обожаю старые гравюры...»	37
3. «Когда обрыдло все...»	38
4. «Нет, ничего откладывать нельзя...»	38
5. «Еще не поздно!...»	39
6. Мороз на Урале	40

7. Очаг	40
8. Эндшпиль	41
Жест	42
«Уж коль романтик, он всегда романтик...»	43
Кама. 1941	44
Не открывают второго фронта	45
«Когда-то в юности надменной...»	46
Формула	47
«Вот я на карточке старой...»	48
«Платья пошила...»	49
Фантасмагория одежды	50
Баллада о холостяке и об отце семейства	65

Винокуров Евгений Михайлович

ЖЕСТ. Новые стихи. М., «Молодая гвардия»,
1969.

80 с.

P2

Редактор *М. Беляев*

Художник *Д. Хитров*

Художественный редактор *Л. Белов*

Технический редактор *В. Савельева*

Сдано в набор 1/XI 1968 г. Подписано к печати 23/IV 1969 г. А01086. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 2,5 (усл. 3,5) + 1 вкл. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 75 000 экз. Цена 25 коп. Т. П. 1968 г. № 346. Заказ 1866.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Суцневская, 21.

т. 1.50.

244141

25 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ